

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никто не любит носить ярлыки — потому что ярлыки, которые на нас цепляют люди, обычно оказываются нелестными. Цель их навешивания часто состоит в том, чтоб ограничить — или даже заточить — человека в узких рамках стереотипов. Однако ярлыки полезны для определения понятий, и если мы сами откажемся себя как-то определить, за нас это обязательно сделают другие.

Само собой, в мире науки ярлыки необходимы. Например, многие поколения ученых уже более 200 лет с благодарностью вспоминают шведского ботаника Линнея за создание биномиальной системы классификации.

Богословская систематика, однако, оказывается делом куда более трудным! Но я думаю, что можно попробовать этим заняться. Как, например, читатель определил бы меня? Возможно, так: «*Род*: христианин, *вид*: евангельский, *подвид*: англиканин». Однако такая классификация вскоре зашла бы в тупик. Классификация организмов в соответствии с их структурой требует высокой точности, а определение человеческих существ по их верованиям — дело куда более трудное и нестабильное.

Самих биологов зачастую подразделяют на «объединителей» и «разделителей», в соответствии с их склонностью к объединению расовых форм в единый вид или же, напротив, к разделению их. «Объединение» и «разделение» происходит и в христианском обществе. Однако оба процесса, заходя слишком далеко, становятся нездоровыми. Некоторые христиане разделяются до такой степени, что становятся уже не церковью, а сектой. Они напоминают мне проповедника, о котором Марк Твен сказал устами Тома Сойера: «...он свел прудызбранное меньшинство к столь малой

группке, что ее и спасти вряд ли стоит».¹ Другие же так рьяно стремятся к объединению, что практически не обращают внимания на различия.

Избегая обеих крайностей, мы признаем, что существует некое действительное совпадение между католическим, либеральным и евангельским течениями христианства. Позвольте мне привести два примера из жизни англиканской церкви.

Майкл Рамси (архиепископ Кентерберийский с 1961 по 1974 г.) называл себя англиканским католиком. Тем не менее, он был приверженцем оправдания лишь по вере, что, как я буду показывать далее, является неотъемлемым убеждением евангельских христиан. Он пошел дальше и заявил, что в период с 1889 по 1939 г. «всем типичным англиканам» были свойственны «кардинальные убеждения Реформации», а именно: «...то, что делами невозможно заслужить спасение; что спасение приобретается только верой, по благодати; что невозможно что-либо добавить к посредничеству креста Христова и что Святое Писание обладает непререкаемой авторитетностью в вопросах учения».²

Мой второй пример принадлежит перу Джона Хэбгуда (архиепископ Йоркский с 1983 по 1995 г.) и взят из его книги «Исповедание консервативного либерала». Он пишет, что слово «либерал» для него несет смысл «открытости в поиске истины, которая, по моему мнению, жизненно необходима для здоровой религии... По сути, смысл ее — в честности... укорененной в том, что дал Бог как в Откровении, так и в тварном мире. Отсюда и термин 'консервативный'».³ Хотя Джон Хэбгуд иногда применял к евангельским христианам

¹ Mark Twain, *The Adventures of Tom Sawyer* (1876; Penguin, 1986), p. 37.

² Из эпилога к *From Gore to Temple 1889-1939* by A. M. Ramsey (Longmans, 1960), p. 166.

³ John Habgood, *Confessions of a Conservative Liberal* (SPCK, 1988), pp. 2-3.

довольно грубый эпитет «библицист», очерченное им равновесие между истиной и откровением, смирением и честностью, откровением и преданием, «верующим сердцем и критическим разумом» (с. 9) таково, что с ним, по крайней мере в принципе, должны согласиться все настоящие евангельские верующие. Поэтому в своем сочинении я постараюсь не забывать, что три широких направления христианской мысли (католическое, либеральное и евангельское) не всегда исключают друг друга, потому что наряду с расхождениями между ними есть и сходные моменты. В самом деле, мы радуемся и славим Бога за то, что подавляющее большинство христиан придерживаются Апостольского и Никейского символов веры и что большинство протестантов и сейчас вернымногим истинам Реформации. Иначе говоря, не все, присущее евангельскому движению, состоит из разногласий. В то же время, библейски и исторически сложилось так, что существуют некоторые истины, важность которых всегда подчеркивали евангельские христиане; и они считают себя хранителями этих истин ради всей остальной церкви — надеюсь, не теряя при этом необходимой скромности.

Готовя это издание к включению в «Всемирную христианскую библиотеку», я осознавал, что большая часть моего материала соотносится с британским или североамериканским контекстом и может быть сочтена непригодной для широкого круга читателей из других стран. Поэтому я мог бы упустить эту часть. Однако я решил оставить эти материалы по двум причинам. Прежде всего, каждый из таких примеров иллюстрирует мысль, релевантную для христиан в рамках любой культуры. Во-вторых, я и в самом деле белый человек с Запада, более того, англичанин и англиканец. Забывать об этом или игнорировать означало бы нарушить целостность моей личности. Кроме того, у читателей вряд ли возникнут затруднения с тем, чтобы перенести то, что я пишу и цитирую, в свою собственную культуру, потому что понятие «евангельский» обладает благородным свойством превосходить культурные рамки.

Зачем я тогда предлагаю читателям всего мира новое издание этой небольшой книги? Может быть, я просто страдаю от того, что Ювенал, если не ошибаюсь, назвал *insanabile cacoëthes scribendi* (неудержимая страсть к бумагомаранию)? Надеюсь, нет. У меня есть, по меньшей мере, два осознанных мотива.

Во-первых, меня продолжает глубоко печалить свойственная нам, евангельским верующим, тенденция к дроблению. За последние полвека евангельское движение по всему миру до неузнаваемости выросло по количеству верующих, по качеству церковной жизни, учености и лидерства — но, насколько я вижу, никак не по уровню единства. В наши дни принято говорить о разных «племенах» евангелистов, а перед словом «евангелисты» ставить уточняющее прилагательное. Выбор таких уточнений весьма широк: консервативные, либеральные, радикальные, прогрессивные, открытые, реформатские, харизматические, постмодернистские и т. д. Но есть ли в этом необходимость? Разве не можем мы, чистосердечно придерживаясь свойственного нам представления о евангельской вере, признать, что качества, объединяющие нас как евангельских верующих, намного весомее, чем те, что нас разделяют? Обречены ли мы навсегда остаться теми, кого епископ Стивен Нейлл назвал «упрямыми индивидуалистами»⁴ и вследствие этого, как выразился архиепископ Сиднейский сэр Маркус Лоуэн, «обладать такой же внутренней прочностью, как пресловутый канат из песка»?⁵

Я не настолько наивен, чтобы полагать, будто эта маленькая книга разрешит проблемы размытости нашего самоопределения как евангелистов, положит конец изнуряющим силы разладам или станет знаменем, под которым все мы сможем объединиться. Однако я надеюсь и молюсь о том, чтобы ей удалось разрешить

⁴ S. C. Neill, *Anglicanism* (1958; Penguin, 1982), p. 190.

⁵ Из обращения к Сиднейскому собору в 1980 году.

некоторые недоразумения и помочь нам сочетать преданность сути евангельских истин с подлинным благородством ума и духа.

Вторая причина — более личная. Приближаясь к концу своего брэнного существования и завершая более чем шестидесятилетний период благословенного следования за Христом, мне хотелось бы оставить после себя нечто вроде духовного завещания — краткого изложения евангельской веры, личного призыва к новому поколению. Конечно, за последние шесть десятилетий я изменился, но все же я надеюсь, что эти перемены состояли не в отрицании чего-то, что я прежде утверждал, но лишь в добавлении недостающего, углублении поверхностного и прояснении неясного. Великие истины Евангелия остались неизменными. Готовясь предстать перед Христовым судом, я хотел бы, чтобы обо мне вспоминали в связи с этим трудом — и по нему судили обо мне.